

На спектаклях Русского драмтеатра

1. „Несчастный случай“

Пьеса «Несчастный случай» М. Мандлярского и Д. Холлендро относится к жанру детектива. Она захватывает зрителей не только занимательностью интриги и сложностью драматических коллизий. Пьеса говорит о вере в советского человека, силе дружбы и любви, о подлинной бдительности, ничего общего не имеющей с подозрительностью.

Режиссер спектакля В. Княжич, художник Л. Карнеев и исполнители не пошли по пути развлекательности и усложнения интриги, хотя драматургический материал давал возможность поразить зрителей неожиданностью решений в сценических трюках. Театр исследовал другую, более сложную и благородную задачу — раскрыть характеры, показать жизнь героев, наших современников, правдиво, во всей сложности их взаимоотношений.

В центре спектакля, как и пьеса, — сцены следствия. Они наиболее ярки в своем режиссерском и актерском решении. Глубокое внимание к человеку звучит в поведении начальника следственного отдела Данилова — Е. Роговиной. Допрашивая Козырева, она видит перед собой нашего, советского человека, который совершил ошибку, должен понести за нее суровое наказание, но не преступника, как в этом убежден ее помощник Гришаев. Совсем по-иному, без какого-либо оттенка доброжелательности говорит Данилов с уголовником Чулюком-Загряем. Голос его звучит сурово и требовательно. Но вот она обращается и к лейтенанту Соколову — ясная улыбка обрамляет ее уставшее лицо... Артистка постольно, шаг за шагом, раскрывает сложный характер Данилова. Тонко показывает она ее ум, колло и человечность. Ее Данилов предстает перед зрителем как живое воплощение советского гуманистического закона.

«...Каждый советский человек, Павел Яковлевич, в моих глазах — это такая крепость, в которой немарго трудно подступиться врагу», — говорит она Гришаеву. В этих словах — ключ и ре-

шению спектакля. Вера в советского человека определяет то бережное отношение наших органов безопасности к людям, которое олицетворено в образе Данилова.

В то же время рядом с Даниловым действует следователь Гришаев — Е. Забиякин, который не доверяет людям, не любит и не знает их. Артист нашел для Гришаева отталкивающие черточки, которые зритель замечает не сразу, а, заметив, полностью соглашается с Даниловым, отстранявший его от ведения следствия.

В спектакле есть и другие удачные образы. Первое же появление Янина — Н. Каюков сообщает изумку-то особую домашность отношениям людей, встречающихся у Козыревых. За баллагурством Янина зритель угадывает в нем человека большой души, умеет любить его, и, пожалуй, это лучшая оценка работы артиста. Интересен образ помощника Козырева — Песцова в трактовке А. Златовратского. Мы верим, что Вера могла полюбить Песцова, несмотря на его неказистую внешность. Но при первом же серьезном испытании обнажается подлинное лицо этого карьериста. Артисту удается убедительно показать изумку его характера. Второй исполнитель этой роли, Н. Савин, несколько по-другому, но тоже интересно, правильно, сообразно своему пониманию и чувствованию образа, строит характер Песцова.

Колоритна в спектакле фигура Чулюк-Загряя, по прозвищу «Манинго», в исполнении А. Герра. Артист ведет роль ярко. Каждый жест, малейшая деталь обгнаны с большим мастерством и знанием характера. «Манинго» Л. Карнеева решен иначе. Его Чулюк-Загряя несколько грубее и резче, и поэтому черты уголовника в нем выражены более рельефно, чем у А. Герра.

Бледнее, чем остальные образы, выписаны авторами пьесы Козырев и Ломов, что сказалось и на их сценическом воплощении. Большую работу проделал артист А. Бульчев. Его Козырев обаятелен, он нам нравится своей простотой, органичностью поступков, естественностью поведения. Ему хорошо удалось сложные психологические сцены. Но артист верные играет роль такого плана и он еще не все уяснил для себя в обра-

зе Козырева. Это же можно сказать об исполнении роли Ломова Е. Ноздриним. Анна Сергеевна, жена Козырева, образ, верно найденный и решенный артисткой Г. Савельевой. Заслуживает положительной оценки работа молодой артистки З. Зинюновой в роли Веры. В эпизодической роли Лодочник большое мастерство проявила артистка Е. Чистова. В исполнении О. Смирновой живо очерченными характером стала Клава. Радует, что режиссер и артист Г. Петренко сумели избежать трафарета в образе врага, и зрительно трудно догадаться, что Харитонов шпион. Досадно, однако, что переломный момент в игре артиста недостаточно четок, что сглаживает финал спектакля.

Пьеса «Несчастный случай», при всех своих несомненных достоинствах, не лишена и драматургических недостатков. Они отразились и на самой постановке. Мы имеем в виду нечеткое композиционное построение пьесы, что несколько затмевает спектакль. События на сцене нелегко следовать одно за другим без должной наглядности. Порой нет той единой линии действия, которая должна подвести и кульминация, а затем уже и разрешение конфликта и финалу.

Театрально, выразительно сделал пролог спектакля. Спорным в нем, однако, представляется решение образа женщины.

Спектакль «Несчастный случай» несет большую идею веры в советского человека. Поэтому он с таким интересом воспринимается зрителями.

В. ВИКОЛАЕВА.

2. „Хижина дяди Тома“

Уже 18 раз прошла в течение двух с лишним месяцев на сцене Русского драмтеатра пьеса «Хижина дяди Тома» А. Бруштина (по роману Г. Уичер-Стоу), поставленная в шпильным канюкам. Хотя эта пьеса не может претендовать на глубинную раскрытия образов, а действие ее происходит более ста лет

назад, ее тема, судьбы ее героев не могут не волновать. Вопросы борьбы порабожденных народов за свободу, за свое человеческое достоинство, против расовой дискриминации — то, что составляет идеальную основу спектакля, — так же остро стоит сегодня, как и тогда, когда жили и боролись герои книги Уичер-Стоу. И поэтому так живы реакции зрителей на события, происходящие на сцене. Часто по ходу спектакля можно слышать сочувственные возгласы: «Нет, тротай, Синичку, слышишь, не тротай!».

Режиссер Л. Бочаев нашел правильное решение и ритм спектакля. В нем немало актерских удач. Особенно следует отметить хорошую работу молодежи. Порадовал несомненный успех молодой артистки Г. Соколовой — Синички. Очень тепло, с подкупающей искренностью проводит она свою роль. Наиболее ярко прозвучали у нее сцены аудиенции и в доме Лейги. «Я не собачка, я — человек!» — эти слова Синички («Соколовка») произносит с такой внутренней силой, которая говорит о глубине проникновения в образ. Полны обаяния образы Сама и Энди, созданные молодыми артистами В. Арлаховым и В. Копыловым. Острый рисунок нашел для роли теплое дельца Диркса артист Р. Соколовский.

Через образы Джорджа и дяди Тома театр показывает два пути, по которым может пойти народ, жаждущий свободы. Путь Джорджа — это путь активной борьбы, путь одиночки. Но борьба за жизнь и право называться человеком. Путь дяди Тома — путь смирения, путь гибели. Всем ходом действия театр утверждает идею борьбы, силу единения порабожденных людей перед лицом несправедливости и гнета. В хорошей в целом работе М. Закурткина (Джордж) вызывает опасение излишняя неадекватность героя, так как этим же недостатком грешат и некоторые другие образы артиста (Алексей в «Оптимистической трагедии», Хлебников в «Персональном деле»).

Мягко играет Н. Волчков дядю Тома. В этой роли он более человечен, добр, отзывчив, чем дядя Том другого исполнителя — Е. Ноздриним.

Одним из впечатляющих образов спектакля, несомненно, является Касси Е. Шабанова. Артистка передает волю и борьбу, мужество, бодрость этой жестокой несчастной, но непоколебимой женщины, одной из тех невольниц, кто от пассивного возмущения и протеста

приходит к сознанию необходимости борьбы с раболовством.

Несмотря на очень благодарный материал роли Элизы, режиссер и артистка Е. Ляхова полностью использовать его не смогли. От образа остается двойное впечатление. Хорошие внешние данные актрисы, бесспорно, позволяют ей играть эту роль. Но все время мешает восприятию внутренней холодок артистки. Хочется, чтобы Элизу Ляховой действительно волновали те ситуации, в которые она попадает. Хочется, чтобы она по-настоящему любила Синичку, донесла до зрителей радость освобождения на аукционе, чтобы подлинной трагедией, а не актерским надрывом звучало расставание с ее преданным ребенком.

В галерее положительных образов особое место занимают тетюшка Хлоя — К. Ефименко, Нина — М. Ярцева, сенатор Бэрд — Н. Каюков и его жена Сюзи — Е. Чистова. От спектакля к спектаклю образы эти обогащаются новыми красками, и мы видим на сцене живых людей, которые любят, страдают, радуются и горюют, и потому так тепло встречает их зрительный зал. Артист А. Чернов в роли инженера Клейтона на последних спектаклях играет глубже и с большей сердечностью, нежели раньше. В нем мы видим одного из тех честных людей Америки, кто посвятил свою жизнь благородному делу борьбы с расовой дискриминацией.

«Посмотрите на его лицо и запомните — это лицо врага», — обращается в зрительный зал Клейтон в финале спектакля, показывая на мрачную фигуру планшатора Лейги — огромного, заросшего густой всклокоченной бородой, жесткого азиатского невольника, беспорядочного пьянчухи и неведжю. Выпукло и красочно лепит А. Бульчев этот собиравательный образ, вбравший в себя все отвратительные черты раболовладельцев — и таких, как «гуманный» Гарриис (А. Герр), и таких, как циничный торговец «живыми товарами» Гали (С. Зенин). И когда Клейтон обращается в зал, обличая Лейги, его слова звучат обвинением всей колониальной системы, полны веры в то, что скоро «рабству придет конец».

Несмотря на недостатки в решении некоторых образов и в оформлении (художник Г. Мирзакханов), спектакль смотрится хорошо. Его с удовольствием будут посещать школьники во время весенних каникул.

А. МОРОЗ